

Оглавление

Предисловие

9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смерть матери в Санкт-Петербурге – Дед –

Бабушка и ее дом в Алле – Первая мачеха –

Попытка бегства – Ференц Лист –

Александр Дюма-сын

19

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дом отца в Париже – Чета Доде – Занятия с Форе –

Смерть мачехи – Третья жена отца –

Монастырь Сакре-Кёр

29

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Конфликт с мачехой – Бегство в Лондон –

Возвращение в Париж – На балу в королевском

дворце – Брак с Таде Натансоном

37

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Ревю Бланш» – Клод Дебюсси – Встреча с Ибсеном

и Григом – Дружба с Малларме и Тулуз-Лотреком –

Гийом Аполлинер – Дело Дрейфуса – Поль

Верлен – Влюблённость Вюйара

47

Мизиа Серт. Мизиа, или Пожирательница гениев

ГЛАВА ПЯТАЯ

Закат «Ревю Бланш» – Леон Блюм и «Лига прав человека» – Домогательства Эдвардса – Отъезд Таде в Колошвар – На распутье – Развод с Таде –
Брак с Эдвардсом
69

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жизнь с Эдвардсом – Смерть Тулуз-Лотрека – Нравы парижской прессы – Визит Реми де Гурмона – Карузо – Сеансы у Ренуара
91

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Графиня де Шевинье – Друг Дягилева графиня де Греффюль – Прекрасная маркиза – Леди Рипом
105

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бони де Кастеллан – Марсель Пруст
111

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Влюбленность Эдвардса – Женевьев Лантельм – Встреча с Хосе-Мария Сертом
117

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Хосе-Мария Серт – Путешествие по Италии – «Борис Годунов» в Опера – Знакомство с Дягилевым
125

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Дружба с Дягилевым – Письма Орика, Пуленка, Сати, Кокто – Женитьба Нижинского и его разрыв с Дягилевым – «Послеполуденный отдых фавна»
137

Оглавление

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Финансовые трудности Дягилева – Претензии
Бакста – Равель и история с «Вальсом» –
Алчность Стравинского
153

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Смерть Эдвардса – Начало войны – Экспедиции
на фронт – Трагедия и гибель Ролана Гарроса –
Кокто о «Параде» – Встреча с Мата Хари
165

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Таинство встреч – Одиссея семьи Мдивани –
Злосчастное письмо – Руси уезжает в Америку
181

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Смерть Дягилева – Концерт в «Континентале» –
«Отчет» Кокто – Смерть Руси
193

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Письмо Серту
205

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Солемский отшельник Реверди – Феномен
Пикассо – Ответственность художника –
Гибель Макса Жакоба – Последние годы Серта
225

Послесловие
249

Комментарии
257

Указатель имен
309

ПРЕДИСЛОВИЕ

У рожденная Мария София Ольга Зинаида Годебска, мадам Натансон, мадам Эдвардс, мадам Серт, Мися, как называли ее на русский лад в кругах дягилевской антрепризы, и, наконец, просто Мизиа для всего художественного и светского Парижа.

Смешение кровей: польской, бельгийской, еврейской. Родилась в 1872 году в Санкт-Петербурге. Детство и юность провела в Бельгии, а потом переехала в Париж – уже навсегда. Родной язык – и единственный – французский, которому твердое и слегка раскатистое «р», как находили ее друзья-французы, придавало особый «славянский» шарм. Ее портреты, написанные Ренуаром, Тулуз-Лотреком, Боннаром, Вюйаром, Валлоттоном*, можно увидеть в музеях разных концов света – в Лувре и Метрополитен в Нью-Йорке, в Норфолке, штат Виргиния, и в Лионе, в Лондоне и Тель-Авиве, в парижском Музее современного искусства и в Хьюстоне, Берне, Брюсселе, Дрезде-

Мизиа СЕРТ. Пожирательница гениев

не, Цюрихе, не говоря уже о том, что они хранятся во многих известных частных коллекциях и экспонируются на различных выставках. Ей посвятили свои сочинения Стравинский, Равель и Пулленк*, Малларме и Верлен* писали ей стихи. Она была другом Дягилева* и Пикассо. Стала прообразом героини романа Кокто* «Самозванец Тома» и двух персонажей «В поисках утраченного времени» Пруста*. О ней писали в своих дневниках Поль Клодель* и Андре Жид*.

На склоне лет, уже почти совсем потеряв зрение, Мизиа продиктовала воспоминания, в которых рассказала историю своей жизни, достойную пера романиста начала XX века. Рассказала, казалось бы, с подкупающей искренностью. На самом деле в ее книге (она назвала ее «Мизиа») о некоторых, причем важных событиях сказано расплывчено, какие-то эпизоды романтизированы, о чем-то она умалчивает, где-то говорит полуправду, а изредка и вовсе неправду. Не случайно хорошо знавшие Мизию люди, прочтя ее мемуары, улыбались и говорили, что в них есть все, кроме настоящей Мизии.

Ей хочется предстать перед читателем наивной, беспомощной, незащищенной «маленькой девочкой», как она не раз себя называет. Пусть избалованной, пусть этакой *enfant terrible*¹, посмевшей прервать пение самого великого Карузо, но при этом чистой и самоотверженной.

И все же она не удержалась и процитировала дифирамбическую статью Кокто, где он называет ее «молодой тигрицей с нежным и жестоким лицом кошечки». Этой Мизии, которая, можно сказать с уверенностью, нравилась ей самой и о которой Поль

¹ Ужасный ребенок (*франц.*).

Предисловие

Моран* писал: «Пожирательница гениев, влюбленных в нее... Мизиа – капризная, коварная, объединяющая своих друзей, чтобы “иметь возможность поссорить их потом”, как уверял Пруст. Гениальная в вероломстве, утонченная в жестокости, Мизиа, о которой Филипп Бертело* сказал, что ей не следует доверять то, что любишь... Мизиа, чьи пронизывающие насквозь глаза еще смеялись, когда рот уже кривился в недобрую гримасу», – этой Мизии в ее книге не существует.

Какой же она была на самом деле, чем привлекала таких разных и незаурядных людей? Какой возникает она в рассказах и письмах многих современников?

Все они в один голос утверждают, что она была красива. Красива вполне в духе бель-эпок*: с величавой осанкой, высокой грудью, широкими бедрами и тонкой талией. С массой светло-каштановых волос, коротким, слегка вздернутым носиком, миндалевидными глазами, прекрасным цветом лица. Быстрая, решительная походка, вызывающая смесь смелости и наивности, с какими Мизиа держала себя, она – обольстительница по природе – приковывала внимание всюду, где бы ни появлялась, как уверяет Жан Ренуар*.

Пышущая здоровьем, полная жизни и любопытства к ней, с характером пылким и переменчивым, то нежная, то колкая и язвительная, остроумная, не боявшаяся грубых слов, которые в ее устах теряли вульгарность и становились пикантными. Ей доставляло удовольствие быть оригинальной, удивлять и не удивляться, а может быть, делать вид, что ее ничем удивить нельзя.

Не только внешне, но и по своему психологическому складу, по отношению к жизни Мизиа принадлежала к бель-эпок, с ее знаменитыми кокотками, кри-

Мизиа СЕРТ. Пожирательница гениев

чащей роскошью, модой на пышные формы, вычурные туалеты и шляпы с перьями. Не случайно в страсти с такой ностальгией вспоминает она это время.

От отца* Мизиа унаследовала художественный вкус, любовь к роскоши и не очень твердые моральные нормы. От родных со стороны матери* – поразительные музыкальные способности, а от бабушки вдобавок расточительность и стремление помогать людям, которых находила талантливыми.

Карьере профессиональной пианистки, которую ей пророчил сам Форе*, она предпочла жизнь праздную, но насыщенную впечатлениями. А для Мизии было непреложно: чтобы вести такую жизнь, рядом должен быть мужчина, который даст ей деньги и общественное положение.

Таким мужчиной сначала стал ее первый муж, Таде Натансон, журналист и критик. Он был старше Мизии на четыре года. Высокий, крепкий, живой гурман, друзья прозвали его «Великолепный». В нем причудливо соединялись утонченный эстет с неутомимым дельцом, проницательный ум с пылким воображением, одерживающим верх над рассудком. Как и Мизиа, он тянулся к новаторам, как и она, почти безошибочно распознавал талант в еще не признанных поэтах и художниках. Издатель популярного в то время «Ревю Бланш», он дал жене возможность осуществить то, к чему, по свидетельству беспристрастных современников, она была склонна по натуре: устанавливать законы, помогать тем, кого признавала, и отвергать тех, кого находила «скучными». С Таде она познала власть, научилась пользоваться ею ловко и искусно. Окруженная влюбленными, преданными друзьями, которых придирчиво выбирала, Мизиа стала в центре того, что Пруст называл «кланом» или «кружком избранных».

Предисловие

А быть в центре и играть *главную роль* Мизии необходимо как воздух. Это ее почти физическая потребность. Она играет, принимая позы то мадам Рекамье* у себя в салоне, то романтической мечтательницы в своем экипаже. Играет, даже оставшись наедине с собой, придавая себе вид мученицы, когда все в жизни ей улыбалось.

Жизнь для Мизии – захватывающее приключение. Таким «увлекательным приключением» называет она и экспедиции в санитарных машинах на фронт, в которых она играла главную, не лишенную героизма роль в начале Первой мировой войны. Таким приключением была для нее и февральская революция в России. Поль Моран в апреле 1917 года пишет в дневнике о том, что она представлялась Мизии «грандиозным балетом», в результате которого ее друзьям – а следовательно, и ей – Баксту, Бенуа, князю Владимиру Аргутинскому-Долгорукову* – будут отведены первые роли.

Благодаря браку с газетным магнатом миллионером Альфредом Эдвардсом Мизия начинает играть на сцене общественной жизни гораздо более важную роль, чем когда была женой Натансона.

Теперь у Мизии было все, что только она могла пожелать: деньги без счета, драгоценности, шиншилла и соболя, роскошная яхта, собственная ложа в Опера. Ее салон посещали политические деятели, владельцы влиятельных газет и журналов, такие знаменитости, как Карузо и Режан*.

С Эдвардсом, деспотичным, жестоким, вульгарным, у Мизии не было ничего общего. Он не привлекал ее ни как человек, ни как мужчина. Со своейственной ей склонностью к эпатажу она любила говорить, что, занимаясь с ним любовью, мысленно составляла меню к завтрашнему обеду. В истории с Эдвардсом она отличалась от актрисы Женевьев

Мизия Серт. Пожирательница гениев

Лантельм, к которой он ушел от нее и о которой она пишет с таким презрением, разве лишь тем, что та была цинична, не ханжила и не скрывала, что прощает себя.

Неловко читать, когда Мизия уверяет, что была «слишком привязана к Эдвардсу, чтобы выйти замуж за другого, пока он был жив». Весь Париж знал о ее связи с художником Хосе-Мария Сертом* – единственным мужчиной, кого она действительно любила, – связи, которую они не скрывали и которая к моменту смерти Эдвардса в 1914 году длилась целых шесть лет.

Дело заключалось, конечно, в значительной ренте, выплачиваемой ей Эдвардсом после того, как тот женился на Лантельм, и которую они с ее будущим третьим мужем, Сертом, в ту пору еще только начинаявшим свое восхождение к известности, боялись потерять.

Деньги много значили для Мизии. И не только потому, что давали возможность жить в роскоши и путешествовать с расточительным Сертом, но и потому, что позволял ей щедро помогать людям, которых ценила и любила за их талант, и прежде всего Сергею Дягилеву.

В биографии Мизии 1910-е и первая половина 20-х годов были звездным временем. Жизнь ее полна до краев – любимый человек, деньги Эдвардса, дружба с Дягилевым.

У нее с Дягилевым было много общего: ровесники, оба родились в России, оба страстно любили музыку, у обоих было тонкое художественное чутье, инстинктивное стремление к новому в искусстве. Мизию, как и Дягилева, отличали презрение к условностям, надменность и равнодушие к тем, кто их не интересовал, пылкость чувств и щедрость по отношению к людям, которых они любили, безудержность в симпатиях и антипатиях. Им обоим были свой-

Предисловие

ственны непостоянство и крайности, склонность к интригам и властолюбие. Дягилева привлекали в Мизии живость, легкая, чисто французская фривольность, остроумие. Но главное: подозрительный по натуре, Дягилев верил в искреннее и бескорыстное отношение к нему и безусловно доверял ее музыкальному вкусу.

«Русский балет» Дягилева, музой которого назвал Мизию Александр Бенуа, многим был обязан ее щедрости и страстной заинтересованности в его успехе. Тот же Бенуа вспоминает, что ложа Мизии служила «сборищем перворазрядных *amis des Russes*¹ и что «при каждом новом эффекте вся ложа в один голос ахала».

Она быстро освоилась в атмосфере дягилевской антрепризы, которую авторы фундаментальной биографии Мизии, американские пианисты Артур Голд и Роберт Фицдейл, остроумно сравнивали с восточным двором – со всеми его интригами, изгнаниями, фаворитами и рабами, – где все подчинялось воле и капризам ее владыки деспота Дягилева. Мизия стала своего рода принцем-консортом, Хозяйкой, как ее называли. Двадцатые годы – апогей ее власти. Все прослушивания и просмотры происходили в ее присутствии. От ее мнения часто многое зависело в решениях, которые принимал Дягилев. Ее уважали, любили, боялись, перед ней заискивали. Она стала посредником в отношениях Дягилева с композиторами, художниками, танцовщиками. Проявляя чудеса дипломатичности, изворотливости, ловкости в искусстве маневрировать, она умела успокоить, примирить, уладить конфликты*. Действуя всегда в интересах Дягилева*, иногда не чуралась хитрости

¹ Друзей русских (*франц.*).

Мизия Серт. Пожирательница гениев

и, по-видимому, даже двуличия. Жан Кокто и Эрик Сати*, случалось, называли ее «тетушкой Труфальдино» и «теткой Брут»*.

Благодаря Дягилеву Мизия была принята в свете, к чему она и Серт весьма стремились, хотя она отрицает это в своей книге. Характерно, что все четыре женщины, которым Мизия посвящает специальную главу, принадлежали к высшему свету, и познакомилась она с ними благодаря Дягилеву.

Была еще одна женщина, с которой Мизию связывала более чем тридцатилетняя, до самой смерти, тесная дружба. Она много раз упоминает ее в мемуарах как свою «любимую, самую близкую подругу», ни разу не назвав ее имени. Но вина за это лежит не на Мизии.

Подругой этой была Коко Шанель, та, кого называют Великая Мадемузель. До опубликования книги Мизии в ней была глава, специально посвященная Шанель. Но Коко, никому не позволявшая писать о себе, настояла, чтобы Мизия не печатала ее*.

Сравнение этих двух женщин помогает лучше понять характер Мизии Серт.

Хотя Шанель была всего на одиннадцать лет моложе Мизии, по своему отношению к жизни и психологическому складу они принадлежали к разным эпохам. Не случайно Мизия мечтала: «Если бы я родилась на двадцать лет раньше...», а Коко не раз повторяла: «Я хотела бы родиться на двадцать лет позднее».

Одна из них до конца жизни оставалась женщиной, рожденной и сформированной бель-эпок. Другая ненавидела это время и старалась навсегда зачеркнуть его в своей биографии.

Обе стремились к независимости и понимали, что обрести ее могут только с помощью денег. Но для Мизии – это независимость от ненавистной мачехи,

Предисловие

а деньги – это деньги, которые ей давали ее мужчины. Для Шанель – абсолютная свобода и независимость от всего на свете, и прежде всего от мужчин, даже тех, которых любила. А деньги – заработанные собственным трудом и талантом.

Мизия по своей природе содержанка, содержанка мужа, содержанка любовника.

Коко сделала все, чтобы не быть ею.

Для Мизии жизнь – игра и приключение, для Шанель – постоянное сражение.

Что же общего было у этих двух, таких разных женщин?*

Обе были нонконформистками. Правда, нонконформизм у Мизии не лишен некоторого эпатажа, у Шанель он – непроизвольный и органичный.

Обе были умны, трезвы, беспощадны. С той только, пожалуй, разницей, что в отличие от подруги Коко не щадила и саму себя.

Обе, хоть и по-разному, помогали людям, которых ценили как больших творцов.

Обе эти женщины, и Мизия, и Шанель, каждая по-своему, отметили свою эпоху.

Марсель Пруст говорил о Мизии Серт как о «памятнике Истории». Она прожила почти 80 лет. Была не только свидетельницей, но в той или иной степени и участницей выдающихся событий в истории Франции первой половины XX века, не говоря уже о двух мировых войнах. Дело Дрейфуса, процесс анархистов, растущее увлечение социалистическими и, наконец, коммунистическими идеями в среде французской интеллигенции. Признание импрессионизма, становление группы «Наби»*, возникновение кубизма и «Шестерки»*, эпопея Дягilevского балета. Обо всем этом, о Малларме, Ибсене, Ренуаре, Тулуз-Лотреке, Дягилеве, Стравинском, Баксте, Пикассо,

Мизиа СЕРТ. Пожирательница гениев

Дебюсси* и о других незаурядных людях, с которыми она встречалась и многие из которых были ее друзьями, Мизиа рассказывает в своих мемуарах, подчас открывая в них неожиданные черты.

Ее книгу «Мизиа», вышедшую в свет в издательстве «Галлимар» в 1952 году и давно ставшую библиографической редкостью, также можно назвать своеобразным «памятником Истории».

H. Тодрия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смерть матери в Санкт-Петербурге

Дед

Бабушка и ее дом в Алле

Первая мачеха

Попытка бегства

Ференц Лист

Александр Дюма-сын

Софи Годебска взяла письмо. При виде русской марки нежность осветила ее лицо. Уже больше шести месяцев назад ее муж уехал в Санкт-Петербург, почти на следующий день, как она узнала, что снова беременна. Софи чувствовала себя так далеко от него, такой одинокой в этом огромном доме, в толпе друзей и музыкантов, постоянно живших у ее матери!..

Звуки музыки проникли в комнату, когда слуга открыл дверь. Молодая женщина попросила его плотно закрыть ее за собой. Ей хотелось остаться одной.

Едва она пробежала несколько строк, как смертельная бледность покрыла ее лицо. В письме, написанном грубым почерком на дешевой бумаге, ей сообщали, что Сиприен Годебски в Царском Селе, куда его пригласила княгиня Юсупова, чтобы он занялся убранством ее дворца, живет с молодой сестрой ее

Мизия СЕРТ. Пожирательница гениев

матери, которая ждет от него ребенка. Письмо, разумеется, анонимное.

В одно мгновение Софи приняла решение. В тот же вечер, поцеловав двух своих маленьких сыновей, на восьмом месяце беременности она тронулась в путь, чтобы проделать три тысячи километров, отделявших ее от человека, которого обожала.

Один бог знает, каким чудом ледяной русской зимой добралась Софи Годебска до цели своего путешествия!

Поднялась по ступенькам уединенного, занесенного снегом дома, прислонилась к косяку двери, чтобы перевести дух и позвонить. Знакомый смех донесся до нее... Рука Софи опустилась. После нечеловеческих усилий, справившись с которыми ей помогла любовь, безмерная усталость, страшный упадок духа овладели ею. С глазами, полными слез, она спустилась по ступенькам и добралась до гостиницы.

Оттуда написала брату о своем несчастье, которое так велико, что ей остается только умереть...

На другой день Годебски, уведомленный о том, где находится его жена, приехал как раз вовремя, чтобы принять последний вздох Софи. Она успела дать мне жизнь. Драма моего рождения должна была наложить глубокий отпечаток на всю мою судьбу.

Отец отвез меня к своей любовнице, моей двоюродной бабушке, которая кормила меня грудью вместе с ребенком, родившимся от него. Похоронив жену в Санкт-Петербурге, он увез меня в Алль, в дом, который так трагически покинула моя мать.

Этот дом в окрестностях Брюсселя был первым и лучшим воспоминанием моего детства. Очень большая вилла в итальянском стиле, построенная по указаниям моего деда, который благодаря своему исключительному таланту концептиру-

Глава первая

иющего виолончелиста имел достаточно значительное состояние. Скромного происхождения, Франсуа Серве в эпоху, когда короли и придворные принимали музыкантов и покровительствовали им, когда знатные дамы не боялись делать им роскошные подарки (я помню тяжелый золотой венок, на каждом листе которого были выгравированы имена почитательниц деда), был удостоен теперь памятника в родном городе*. Во время турне по России он встретил девушку, принадлежавшую к высокой аристократии, женился на ней и увез в Бельгию.

Бабушка так больше никогда и не побывала на родине. Но сохранила доставшееся по наследству редкое русское гостеприимство. Маленькая, необычайно красивая, вся увешанная драгоценностями, в своем огромном салоне с множеством картин – на одной из них св. Цецилия, на другой царь Давид*, – она была окружена настоящим двором из друзей и особенно музыкантов, живших у нее месяцами.

Я застала ее старой, похожей на папу Льва III. Бабушка причащалась каждое утро. Ее неразлучной подругой была бельгийская королева*.

В большом доме, как в старые времена, заполненном музыкантами, музыка доносилась отовсюду. Кроме двух больших концертных пианино в зале для приемов было еще шесть или семь в других комнатах. И они никогда не умолкали.

Мои детские уши были так переполнены музыкой, что даже не помню, когда я научилась распознавать ноты. Во всяком случае, много раньше, чем буквы.

С культом музыки у бабушки соседствовал культ еды. Гурманство превратилось у нее в страсть. Она была счастлива, что каждый день могла кормить такое множество людей. И так как гости ничего

Мизия Серт. Пожирательница гениев

не имели против того, чтобы их потчевали, как у Лукулла*, весь дом сверху донизу беспрестанно был занят приготовлениями к пиршествам. Огромный сводчатый погреб, вызывавший в моем воображении замок Синей Бороды, куда я отваживалась войти, дрожа в ожидании опасного приключения, был наполнен подвешенными на крюках тушами телят, быков, барашков. Ужасающие окровавленные ста-лактиты, которые будут разрублены, разделаны, чтобы уладить бабушку и обжор, ее окружавших. Каждый понедельник новые жертвы занимали место с жадностью проглощенных на прошлой неделе; бедняки приглашались, чтобы разделить их останки. Под эти лукулловы пиры были отведены две комнаты. Одна из них – большая столовая – восхищала меня своим великолепием. На стенах – китайская живопись. Стол на шестьдесят персон в праздничные дни был сервирован сказочными разноцветными бокалами с вензелем деда, заказавшего их в Богемии. В свои три года я была просто ослеплена этим стеклянным многоцветием, и с тех пор ничто на свете не казалось мне столь ошеломляюще роскошным.

Бабушка со своими гастрономическими пристрастиями явно не задумывалась о расходах, которых они требовали. С легким сердцем, доставляя радость себе и друзьям, она в буквальном смысле слова поглощала свое состояние, нимало не озабоченная признаками приближающейся нужды.

Мне было семь лет, когда в прекрасный лунный вечер один из гостей, у которого давно и серьезно болели легкие, попросил, чтобы его спустили в музикальный салон. Я помню, как будто это было вчера, его черный бархатный пиджак, белую шелковую *à la Дантон** рубашку и длинные волосы. Это был Зарембски*. Он подошел к одному из пианино и при

Глава первая

свете луны заиграл «Траурный марш» Шопена. Вдруг он потерял сознание. Его положили на софу, на которой он и умер, так и не приядя в себя. Думаю, что эта ультрамаромантическая сцена так соответствовала самому духу дома, что она никого не удивила. Зато я и сейчас не могу без некоторого содрогания слушать «Траурный марш».

Дядя унаследовал Страдивари* моего деда. Он был великим музыкантом и своеобразным человеком, внушавшим мне безумный страх. Каждый вечер, прежде чем удалиться в свою комнату, он очень медленно подходил к инструменту и осторожно припадал ухом к футляру. Добрые пять минут оставался неподвижен, слушая что-то – что я так никогда и не узнала.

Так как у дорогой бабушки не было грехов, в которых можно было бы исповедоваться во время каждого-дневных причастий, она приносила священнику все домашние сплетни. И в один прекрасный день рассказала ему, что у моего тридцатилетнего дяди уже лет десять была любовная связь с женой почтенного директора консерватории. В наказание священник приказал ему во всем признаться мужу. Последствий не пришлось долго ждать. Директор уехал с женой и детьми. Дядя же, мирно проведя утро на охоте со своим большим другом князем Караман-Шиме*, вечером нашел такой способ чистить ружье, что убил себя наповал.

Возвращаясь из Санкт-Петербурга после смерти моей матери, отец остановился в Варшаве. Там он познакомился с мадам Натансон, которая какое-то время спустя в Париже добилась, чтобы он на ней женился. Будучи женщиной умной, она не замедлила окружить себя известными – хотя часто посредственными и принадлежавшими к академиче-

Мизия СЕРТ. Пожирательница гениев

ской школе – музыкантами и художниками. От первого брака у нее был восемнадцатилетний сын-эпилептик и чахоточная дочь двадцати лет. Маленькой девочке, какой я была тогда, они казались стариками. От моего отца позднее она родила сына, которого обожала*.

Я – с моими старшими братьями, Францем и Эрнстом, – оказалась перенесенной из волшебного башкинского дома в унылый особняк на улице де Вожира, где находилось ателье отца. Сразу же у меня возникло ощущение, что ко мне относятся недружелюбно и даже враждебно.

Моими единственными наперсниками были брат Эрнст и кухарка, к которой я убегала по ночам, чтобы утешиться, прильнув к ее нежной большой груди: отсутствие любви приносило жгучее страдание. Я никогда не видела Франца, учившегося в лицее. А Эрнст целыми днями рассказывал мне о красоте, доброте и нежности нашей матери: воспоминание о ней заставляло брата ненавидеть мачеху. Бедная женщина к тому же не выносила меня. Я ее ужасно боялась, так как она не могла удержаться, чтобы не ущипнуть меня, стоило ей ко мне приблизиться.

Однажды Эрнста, наказанного без всякого повода, заперли в комнате Клэр, дочери нашей мачехи. На другой день обнаружилось, что исчезли маленькие золотые часы. Несчастный ребенок нечаянно разбил их, играя, и, перепугавшись, спустил в умывальник. Он должен был предстать перед домашним судом. Эрнста заставили поклясться на кресте и на портрете матери в своей невиновности. Я до сих пор вижу его обезумевший взгляд. Не выдержав, он схватил фотографию матери и покрыл ее страшными поцелуями. Потом, полумертвый от страха, готов был признаться во всем, чего от него и добивались.

Глава первая

Вот тогда, в ужасе, я решила сбежать, чтобы вернуться к бабушке, и с несколькими су в кармане помчалась со всех ног по улице. Меня догнали и дали хорошую взбучку. Потом нас отправили – Эрнста в интернат, а меня в пансион мадемуазель Морис на авеню Нель.

Мадемуазель принадлежала к породе ожесточенных старых дев. Чтобы излечить меня от склонности к побегам, она начала с того, что на шесть месяцев посадила меня под замок.

К счастью, мачеха, которая сама была очень музыкальной, пораженная моими способностями, велела пригласить для меня превосходных учителей музыки. Я играла на память двух- и трехголосные фуги Баха, прежде чем научилась читать и писать.

По авеню Нель проходил шарманщик. Я лихорадочно подстерегала его появление. Его музыка меня опьяняла. Мне во что бы то ни стало хотелось выразить ему благодарность. Но у меня было одноединственное сокровище: маленькая золотая свинка. Я так любила ее, что при мысли расстаться с ней разрывалось сердце. И все же я решила сделать подарок моему другу-шарманщику и бросила ему свинку с балкона. По его взгляду было видно, что он оценил размер жертвы. Увы!.. Больше я никогда его не видела.

После бесконечной зимы у мадемуазель Морис меня и моих братьев отправили на лето в Алль. Я была в восторге от того, что вновь оказалась в доме бабушки. Среди приглашенных там были в качестве почетных гостей Ференц Лист*, сопровождаемый дамой в мужском костюме, и первый муж Козимы, Ганс фон Бюлов*, от которого она только что ушла к Вагнеру. Я отчетливо помню лицо Листа, усыпанное бородавками, и его длинные волосы. Он внушал мне дикий страх, когда сажал меня на колени

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
[\(e-Univers.ru\)](http://e-Univers.ru)